

К О Л Л Е К Ц И Я Ф А Н Т А С Т И К И

НАЧАЛЬНИК МИЛИЦИИ

Рафаэль Дамиров

НАЗАД В СССР / КИНОЛОГ И ПЕС

— СОБАЧЬЯ РАБОТА —

Ленинград
издательский дом

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д16

Серия «Коллекция фантастики»

Дизайн серии *Натальи Байдаковой*

Иллюстрация на обложке
Андрея Клепакова

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Дамиров, Рафаэль

Д16 Начальник милиции: Назад в СССР. Кинолог и пес. Собачья работа: сборник / Рафаэль Дамиров. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 784 с. — (Коллекция фантастики).

ISBN 978-5-17-181791-6

Александр Морозов, немолодой и много повидавший заключенный исправительной колонии, погибает, а его сознание переносится в прошлое, в далекий 1978-й год.

СССР в самом расцвете, а Морозов оказывается в теле субтильного кинолога. Теперь он советский милиционер, зеленый лейтенант. Коллеги смотрят на него с насмешкой, начальник готов сжить со свету, а служебный пес не признает. Но Морозов прекрасно знает всю милицейскую «кухню», ведь он всю жизнь был по другую сторону баррикад. Используя навыки «правильного вора», он всё чаще сам раскрывает преступления и завоевывает авторитет в отделе.

Вот только в городе неожиданно начинают происходить странные преступления, а местный инспектор уголовного розыска — самый настоящий оборотень в погонах.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-181791-6

© Рафаэль Дамиров, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

НАЗАД В СССР

Глава 1

— Сан Саныч!

Ко мне подбежал завпроизводством. Запыхавшийся, форменное кепи набекрень, лицо озабоченное и немного бледное, даже кокарда не блестит, видно, что дела у него не очень. Будто жена с соседкой застучала.

— Сан Саныч! — еще раз выдохнул он, утирая рукавом камуфляжной полевки лоб. — Там в цехе станки встали. Никак шайтан-машины без тебя не хотят работать. Ты бы уж их настроил как-то, чтоб раз и навсегда. У нас заказ ко дню города под угрозой срыва. Понимаешь?

— Станки у нас хорошие, и работают ладно, — хмыкнул я. — Если не лезть дуракам в них.

— Так иди, глянь, Саныч! Сам знаешь, дураков в стране хватает, особливо в нашем цеху...

Новые деревообрабатывающие станки с ЧПУ недавно к нам поступили. При запуске никто с ними сладить не мог, а сервисный инженер для установочного пуска был «выписан» по госконтракту по сроку аж через полгода после поставки самого оборудования. Как тут ждать? И вечно у нас так, все через то место, откуда, если верить расхожей фразе, руки у некоторых растут. Вот и пришлось мне напрячь мозги, покумекать, повозиться с талмудами печатных сопроводительных инструкций, да одного инженеришку из соседнего отряда попытать, чтобы освоить и запустить хитрые машины. Благо жилка у меня какая-то имелась к этому. Сам не знаю откуда. Вроде не ученый и университетов

не оканчивал, но с детства тяготел головой работать, а не руками. Жаль, что в жизни все не так сложилось, как хотелось, и теперь я здесь.

Чудо техники — пятиосевые фрезерные станки с числовым программным управлением могли состряпать из дерева буквально все — от вазы до комода, от шахмат до резного табурета.

Я вошел в цех. За мной семеня шагавшим, бряцающая наручниками на поясе.

— Сан Саныч! — оживились ээки, стряхивая опилки с робы. — Тут фреза чудит! Заготовки, курва, портит!

— Шнырь, — покачал я головой, обращаясь к чернявому парню. — Ты блок управления трогал?

— Не-а! Зуб даю, Саныч...

— А почему тут все сбито? — нахмурился я, покопавшись в коробочке с проводочками и тумблерами. — Какого ежа вы тут ковырялись?

Работяги лишь развели руками. Я обнулil программу и выставил на базовые настройки. То же самое проделал и с другими станками. Теперь должно все работать.

— Короче, рукосуевы, — обратился я к осужденным. — В технику самим не лезть, сколько раз говорил. Меня зовите, если что... И это... — я посмотрел на изделия, что лежали на стеллаже и готовились уйти в покрасочный цех. — Шахмат еще наклепайте. Наборов пять нужно.

— Куда столько? — пожал плечами Шнырь. — Их особо не берут оптовики.

— Не на продажу, — отрезал я. — С Хозяином я перетер, короче, полковник добро дал. Будем соревнования устраивать между отрядами. Шахматы — игра добрая, сейчас немного подзабытая, но мозги развивает как надо. Не все руками батрачить, нужно и извилины напрягать.

— А я не умею в шахматы, — вставил слово ээк по прозвищу Муха, его поддержали еще несколько человек.

— Научу, — парировал я. — Детский мат покажу. Это культурнее, чем взрослый. Как рокировки делать научу. Король без рокировки — что уголовник без татуировки.

Мужики одобрительно загудели. Не сказать, что все прямо горели желанием научиться шахматным премудростям, но здесь на зоне любой движ — уже какая-никакая развлекуха. Разбавить день сурка соревнованиями — почему бы нет. Да и спортивный азарт никто не отменял. У мужчин он в крови, даже у осужденных.

— А я слышал, что шахматистки — это идеальные женщины, — выдал вдруг Муха.

— Чой-та? — наморщил я на него лоб.

— Сами посудите, — лыбился тот и стал загибать пальцы. — Они могут часами молчать, хорошо следят за фигурами и знают много интересных позиций.

Мужики заржали, а я проворчал:

— Хорош галдеть, оболтусы, за работу! Фигурки сами себя не выточат. И самое главное, мужики... Не лезьте в блок управления, не сломайте. А то ни соревнований, ни работы нормальной у вас не будет. Будете опять бетон месить или траншеи копать. Оно вам надо? Геморрой не стоит свеч.

— Кому не ясно?! — помахал кулаком в поддержку моих слов завпроизводством исправительной колонии. — Оборудование беречь, как мать родную! Еще раз подобное случится — и в шизо у меня загремите! Только попробуйте, сломайте мне! Я вам!..

— Та мы просто хотели, это самое... попробовать ускорить процесс, так сказать... Углубить, понимаешь... — пожимали плечами мужики.

— Слышь, Антипыч, — наклонился и шепнул я капитану. — Ты на них не наседай слишком попусту. Вон как стараются, при деле мужики, денежку зарабатывают, и для колонии приработок и репутация. Сам видишь, что наши изделия не барахло, на всю область славятся. Администрации тоже бонус — исправление трудом наглядно демонстрируется. Думаешь, зазря ты на доске почета висешь?

Мы отошли в сторонку.

— Да это я так, Саныч, для острастки, — оправдывался капитан. — Чтобы не дай боже не сломали чего, остолопы.

— Сломают — налажу, — заверил я.

— Это правильно... Хошь верь, хошь нет, а уж больно душа радеет у меня за это оборудование. Считай, ты мне этими самыми станками жизнь наладил.

— Я? Как это? — вскинул я на капитана седую бровь, даже прищурился по-стариковски, соображая, что он имеет в виду.

Честно говоря, я и был уже почти старик, почти шестьдесят годков стукнуло, но так не хотелось считать себя таковым. Столько еще в жизни не успел, не сделал. Вот, на зоне наверстать пытаюсь. Хотя это и не самое подходящее место для закрытий давних гештальтов.

— А помнишь, по моей просьбе ты мне поделку — розу выточил? Ту, что пятью слоями лака после облагорожена? — перешел на шепот капитан, будто делишься сокровенным.

— Ну...

— Я же жинке ее на день рождения подарил... И ты знаешь. Ух!.. Все как-то сразу завертелось, закрутилось у нас... Наладилось. Короче, Саньч, ты не поверишь, живем щас, как двадцать годков назад. Даже того... — он похлопал ладошкой по кулаку, обозначая жестом известное действие между мужчиной и женщиной.

Капитан засиял, кокарда на форменном кепи тоже радостно блеснула.

— Из-за розы? Наладилось? — Я скептически свел брови и поскреб подбородок.

— Ага.

— Деревянной?

— Ну, так ж пять слоев лака!.. Забыл?

— Да помню... А ты пивко-то глыкать бросил каждый вечер?

— Ну... — поджал губы капитан. — Подзавязал, да... Как ты и советовал.

— С мужиками вечерами в гараже не пропадаешь теперь дни напролет?

— Да нет... С дочкой уроки вот вчера делал. Правда, ни хрена не понимаю я в ихней математике. Сложно-о... Ух, чего там в школе им преподают.

— Алина в пятом классе у тебя, — напомнил я.

Капитан развел руками и выдохнул:

— Так в пятом классе математика самая злая. Не веришь? Учебник могу принести.

— Да верю... Только не в розе дело. Не она тебе помогла. Вернее, она тоже, но семье и бабе, Антипыч, внимание нужно, а не безделушки деревянные. Вот у тебя все и наладилось, потому что внял ты моим советам и перестал бесконечные моторы перебирать под жигулевское и горькую.

— Угу... Домашний пока. Но на выходные пойду в гаражи, — мечтательно проговорил капитан. — Я уже и у Любки отпросился. У соседа «шаха» не заводится. Карбюратор барахлит, будем чинить.

— С каких это пор ты стал у жены отпрашиваться? — улыбнулся я.

— Ну так я же говорю... Роза всю жизнь мою изменила. Короче, спасибо тебе, Саныч, жаль, что ты скоро выходишь... Может, недостачу на тебя записать? — подмигнул он. — Или порчу? Чтоб еще на пару годков задержался. Ха!

— Обойдусь. Мне за забором дочку повидать надо.

Я вошел в комнату для телефонных переговоров осужденных в помещении корпуса, который все называли дежуркой. Но по факту, кроме дежурной части ИК-35, там много находилось еще чего. Начиная от кабинетов оперативников и заканчивая психологическими лабораториями. Так было принято называть подразделения психологов. Лаборатории... А мы, значит, подопытные получается?

Сопровождавший меня начальник отряда сразу занял место в особом уголке, где он мог прослушивать телефонные переговоры подопечных.

Чтобы позвонить родным, нам приходилось писать заранее заявление на разрешение, да еще с указанием номера абонента. Бумажку согласовывал начотряда и утверж-

дал Хозяин, так называли начальника колонии полковника Гурьева Сильвестра Андреевича.

В переговорной терлись еще несколько эков возле телефонных аппаратов, по виду напоминавших громоздкие ростелекомовские таксофоны.

Я занял свое место возле одного из приборов и услышал, как по соседству Шнырь разговаривал по телефону. Голос у него был необычно высокий, хоть и тревожный, но все равно радостный.

— Мам! Ты мне скажи... Дачу продали? Все получилось? Отлично! Ты денежки положи на карточку, не трать только. Полинке в институт поступать нынче. Да и отцу операцию делать надо, куда уже тянуть. Бесплатно — сама знаешь, сколько ждать. Я тут тоже маленько заработал, на счете копится, как выйду, даст бог, дачку обратно выкупим. Не переживай, если что — другую возьмем. Еще лучше даже! Да нормально все... Ага... Работаю, пашу. Сам удивляюсь, никогда столько не работал. Но интересно... Спасибо тут одному человеку. Вор старой формации, что называется. Он мужик с головой, с администрацией контакт наладил и организовал у нас тут производство деревянных изделий на продажу. Да ты его не знаешь. Морозов Александр Александрович.

Я стоял за спиной Шныря и слушал, как он обо мне своим домашним рассказывает. Шнырь меня не видел, как не видел Серого и Духаря. Ушлые уголовнички, пакостные. Те уже закончили телефонные переговоры и грели уши. О чем-то перешептывались.

Я взял трубку аппарата и набрал номер. Длинные гудки. Пи-ик, пи-ик... Долгие и, кажется, бесконечные.

— Алло, — наконец раздалось на том конце провода.

— Доча, привет! — Мои губы сами растянулись в улыбке, а сердце на миг замерло, а потом забилося чаще.

— Пап, привет! Ты чего звонишь? Случилось чего?

— Ну почему сразу случилось? Все хорошо у меня. Просто звоню...

— Слушай, пап, ты скоро выходишь... Но... Тут такое дело. Я не смогу тебя встретить. Извини.

— Как так? — опешил я. — Почему?

— Да мы с Рубиком в Сочи улетаем. Когда вернусь, не знаю. Ты ключи от квартиры у тети Маши возьми. У соседки из тринадцатой.

— Да знаю я, где Машка живет, — раздраженно оборвал я. — Ты мне лучше скажи, Света, что там за Рубик-кубик такой, что даже родного отца встретить после стольких лет отсидки не можешь.

— Ой, пап, не начинай. Ты сам виноват! Не маленькая, тридцать стукнет уже, а все воспитываешь меня. Ты там, а я здесь, — произнесла она хоть и с возмущением, но как-то безжизненно. — Полжизни так прожили, пора уже смириться, что дочь без тебя выросла.

Я закусил губу... В висках застучало... Что-то неправильное я делал в жизни. Неправильно прожил... С тем, что потерял много своих лучших годков, я еще мог как-то смириться, но теперь я чувствовал, что потерял нечто большее... потерял дочь. То единственное ценное, что у меня было.

Дьявол! Я с силой сжал телефонную трубку, аж пальцы побелели. Вот бы все начать сначала. Все исправить. Но поздно... Не мальчик уже и не юноша, а увядающий уголовник на закате жизни.

Ну выйду сейчас — и кто я буду за забором? Ранее судимый со справкой. Изгой. Урка. А здесь на зоне — уважаемый человек. Саныч. Этакий проводник и переговорщик между контингентом и администрацией. Смотрящий и, в некотором роде, положенец. Сердце ёкнуло. Вот выйду на волю, а там нет ее вовсе. Один куковать буду в пустой квартире и без работы. Что ж...

Но раскисать я не привык и ныть тоже. Это так... минутная слабость. Просто дочурка расстроила. Короче, ЗК Морозов, прорвемся! Все будет... Голова, руки, ноги есть, а денег на первое время хватит. Заработал. В бухгалтерии расчет получу на выходе, а там и работенку найду. В общем, вперед и с песней в новую-старую жизнь. Вот только жаль, что со Светой все так вышло. Не доглядел. Пересидел...

— Ой, ладно, пап! — слышался звонкий и радостный голос в трубке. — Я побежала! Рубик приехал!
— Пока, доча, — сглотнул я комок и положил трубку.

Я зашел в отряд, когда все еще были на работах. Мне, как прорабу, технологу и «активисту» в одном флаконе, в порядке исключения разрешалось свободное перемещение по сектору вне распорядка.

Помещение отряда состояло из огромной бытовой комнаты с двухъярусными кроватями — одной на сотню рыл, комнаты приема пищи, уборной с умывальниками и кабинета начальника отряда.

Неожиданно среди рядов двухъярусных кроватей я заметил еще одного «вольного». Это был Серый. Худой морщинистый тип возраста старого деревенского алкаша. Несмотря на простоватый вид, он таковым вовсе не являлся. Всегда с хитрецей и скользкий, как змей болотный. Мотал срок, вроде, за мошенничество. Причем, попал на строгащ, видимо, ущерб большой был от его деяний, ну или рецидив хватанул.

Сейчас он рылся в тумбочке моего соседа по кровати — Шныря, и меня не замечал.

— Эй! — окликнул я его. — Твоя шконка дальше! Ты что там забыл?

Тот выдернул руку из тумбочки и воровато огляделся. Заметил меня и с облегчением выдохнул, коснувшись кончика носа мазутными пальцами. Вечно у него пальцы, как у трубочиста были. Черные и угольно-грязные. Мы называли его в шутку иногда Серый Черная рука.

— Саньч? — уставился на меня уголовник. — Ф-ух! Напугал. Да я давеча курево брал у Шныря, вот должок ему отдал. Пачку сиг в тумбу закинул. А ты чего не на работе?

— Давление, — буркнул я. — Освобождение у меня.

Соврал. На самом деле после разговора с дочерью просто хотелось побыть одному. Хоть прошел уже день, но

в мозгу сидела гаденькая мысль, что жизнь не в то русло пошла. В кривое и извилистое... Изначально так приключилось со мной по молодости и понеслось-поехало... Но об этом не хотелось сейчас вспоминать.

Серый не захотел вступать со мной в дальнейшие беседы, явно торопился. И, как-то хитро скалясь, мигом улетучился. А у самого морда довольная почему-то, что у барбоса, который нашел масальгу с мясом.

Я подошел к тумбочке Шныря и открыл дверцу. Никакой пачки сигарет там не оказалось. Зато на виду лежала записная книжка соседа.

Я раскрыл ее и полистал. Что же там Серый искал? Ага... Вот и страничка, заляпанная чем-то черным. Отпечаток явно свежий, от мазутного пальца Серого. На этой самой страничке был список телефонов родных Шныря. В том числе и его матери. Вот сука!

В зоне не так часто положены телефонные переговоры, но после находки в тумбочке я сразу написал заявку на еще один звонок. Знал, что Серый и Духарь сделают то же самое, выберут ближайший возможный день для созвона, и не ошибся.

Расчет оказался верным, и в телефонном помещении я снова очутился вместе с ними, как и положено для звонков — в вечернее время. Начальник отряда, майор Пантелеев, мужик бывалый, но по-военному туговатый и с возрастной ленцой. Поэтому Духарь не стал придумывать чего-то особенного, чтобы отвлечь его.

— Алексей Владимирович, — подвалил к нему зэк с просящей миной и запел: — Что-то писем из дома я давненько не получал. Может, цензоры зарубают? Вы уж разберитесь, пожалуйста. Жду не дождусь весточки...

— Савельев, — поморщился на него майор. — Тебе жена никогда и не пишет. Насколько я помню, матери у тебя нет, какие, к чертовой бабушке, письма? Ты о чем?